

Глаза Фан Яньтин покраснели, она обиженно надула губы. Обернувшись, девушка взглянула на Линь И, но тот лишь безмятежно улыбался в лунном свете. Она замерла в полнейшем замешательстве, не понимая, что происходит.

«Неужели Тяньвай-чжэньжэнь... любитель подобных сцен?»

Она чувствовала себя бесконечно изнурённой. Впрочем, винить оставалось только себя. Стиснув зубы и оказавшись зажатой между двумя высокими мужчинами, Фан Яньтин решила терпеть.

Оба практика улыбались, но от их лиц веяло необъяснимой жутью. Сюаньюань Кунь крепко держал Фан Яньтин за одно предплечье, Линь И — за другое. Девушка не смела оттолкнуть свою цель, но и отказать Тяньвай-чжэньжэню у неё не хватало духа. Так, зажатая меж двух огней, она рассыпалась в благодарностях, пока они направлялись к Бессмертному дворцу Линсяо.

Линь И завязал с ней беседу, вкрадчиво спросив:

— Отчего же вы, барышня, оказались в таком месте?

Фан Яньтин посмотрела на него влажными глазами, глядя снизу вверх с видом глубочайшей обиды.

— Я... я плохо помню. Несколько дней бродила в лесу неподалёку, никак не могла выбраться. А когда очнулась после обморока, увидела вас, Чжэньжэнь.

Линь И вскинул бровь, и в его взгляде на мгновение промелькнула странная сосредоточенность.

— И за всё это время вы никуда не уходили?

— Никуда, — она покачала головой и перевела взгляд на Сюаньюань Куня, внезапно изобразив девичью робость. — На самом деле я знаю, что именно этот благодетель спас меня первым. Если бы не он, я бы вряд ли сумела сохранить ту последнюю искру жизни, что во мне теплилась.

Сюаньюань Кунь хранил молчание. Его мысли, казалось, витали где-то далеко — он будто и вовсе не слышал слов девушки. Линь И, напротив, поддерживал беседу весьма охотно. Заметив равнодушие Куня, Фан Яньтин решила не перегибать палку. Обнаружив, что Линь И куда более общителен, чем гласили слухи, она переключила всё своё внимание на него.

Весь путь Линь И радушно улыбался.

Миновав многочисленные барьеры и поднявшись к величественному дворцу Линсяо, парящему над облаками, Сюаньюань Кунь наконец отпустил руку девушки. Он бросил короткий взгляд на наставника, который всё ещё проявлял к Фан Яньтин нарочитую заботу.

— Учитель желает, чтобы дева Фан осталась здесь на отдых?

— Именно так, — кивнул Линь И.

Он мягко увлек девушку себе за спину и добавил, обращаясь к ученику:

— У наставника свои соображения на этот счёт.

Сюаньюань Кунь помрачнел. Он не сводил глаз с того места, где пальцы Линь И сжимали запястье гостя. Он на мгновение вздрогнул, но он тут же заставил себя улыбнуться — едва заметно, одними уголками губ. Почтительно склонив голову, юноша коротко бросил: «Хорошо», скрывая за опущенными веками бурю мыслей.

— Забота учителя — лучшая участь для барышни Фан.

Линь И ощутил в его тоне нечто странное — какую-то горечь или терпкость. Но, присмотревшись, не нашёл к чему придраться. Неужели Кунь расстроился из-за того, что наставник перехватил инициативу?

Линь И знал, что его ученик не из таких людей, и списал всё на игру собственного воображения.

— Полагаюсь на вас, учитель, — ответил он.

В сиянии звёзд и луны высокий силуэт юноши уже мог сравниться статью с облачённым в серебристо-белые одежды Чжэньжэнем. Не задерживаясь более ни на секунду, Сюаньюань Кунь попрощался с наставником и направился к себе.

Как только он ушёл, Линь И мгновенно сбросил маску. Не видя смысла притворяться перед Фан Яньтин, он заложил руки за спину и направился к внутренним покоям.

— Иди за мной, — холодно бросил он.

Яньтин растерянно моргнула, не понимая причин такой резкой перемены, но покорно последовала за ним.

Зал Чанъань не отличался роскошью остального дворца Линсяо. Он был прост и почти пуст. Здесь не было ни магических артефактов, ни драгоценного блеска. Ночные тени, затопившие комнату, поглощали свет, оставляя лишь холодный мрак.

Единственным светлым пятном в этой темноте был сам Кунь. Одетый в белое, он стоял неподвижно, овеянный лунным сиянием, и в его осанке сквозило врождённое величие.

Он долго стоял в глубоком раздумье, пока наконец не издал долгий, тягучий вздох, полный бесконечной усталости. Взмахнув рукой, он призвал на стол фонарь. Простой белый бумажный фонарь.

Сюаньюань Кунь подошёл к столу и опустился на циновку, подобрав полы одежды. Его взгляд замер на трёх иероглифах, выведенных на бумаге: «Тот, кому отдано сердце».

Это был тот самый фонарь, который он много лет назад купил для Линь И в городе Цзиньси.

Юноша медленно протянул руку. Его пальцы задержались на надписи, едва касаясь поверхности, лаская каждый штрих.

Что значит «отдать сердце»?

Наверное, то, что он чувствовал сейчас, и было тем самым.

Сюаньюань Кунь не мог понять одного. Все эти годы, как бы глубоко ни заходили его греховные помыслы о наставнике, он никогда не позволял себе лишнего. Их речи всегда оставались в рамках приличий. Почему же тогда Линь И всё равно сторонился его?

И почему сегодня наставник, прекрасно видя притворство этой девки, позволял себе касаться её и так приветливо улыбаться?

Если он просто хотел уберечь Куня от ошибок прошлого, то его «влюблённый» вид по отношению к Фан Яньтин был явным перебором.

В какой-то момент юноше даже показалось, что наступит день, когда он перестанет быть для Линь И единственным «особенным» человеком.

Сюаньюань Кунь оставался бесстрастным. Он резко дернул пальцами, замершими на иероглифе «сердце». Он сжал руку в кулак так крепко, что побелели костяшки. Он почувствовал, как в нем закипает неистовый шторм, готовый вырваться наружу, но через мгновение всё стихло. Он опустил руку.

Десять тысяч лет самосовершенствования, достигнутый Великий Путь — и всё было брошено

на весы ради одного решения вернуться в этот мир.

Так почему бы в этой жизни не следовать своим истинным желаниям?

Если он продолжит довольствоваться нынешним положением, завтра на месте этой девицы появятся сотни других «Фан Яньтин».

Он закрыл глаза и пренебрежительно усмехнулся.

Все эти годы он жил слишком осторожно. Если бы не появление этой женщины, он бы и вправду верил, что провести вечность рядом с Линь И в таком полузабытьи — это неплохо.

Но Линь И мог думать иначе.

Заклинатели его уровня не нуждались в пище или сне, а значит, им не снились сны.

Сюаньюань Кунь решил сам соткать для себя иллюзию.

Он хотел понять: что это за небывалое раздражение грызёт его изнутри? Каков предел его желаний? Грёза должна была дать ответ. Если в ней он почувствует отвращение — значит, он просто напридумывал лишнего.

В тёмном углу зала Чанъань, в безмолвной пустоте комнаты, человек сидел с закрытыми глазами. Он словно запер дверь в свою душу, скрывая любые тени чувств.

У него не было Демонического корня, но в этой иллюзии всё равно царил Линь И.

Тот Линь И, чей ледяной взор тает, превращаясь в весеннюю воду...

Тот, чьё лицо озаряется нежной, томительной истомой...

Тот, чьи брови дрожат от предвкушения счастья лишь под его, Куня, прикосновениями.

В этой грёзе не было тайн. Одежды падали на пол. На безупречно чистой коже наставника расцветали жаркие, алые цветы его поцелуев, а в затуманенном взоре плескалась мягкая краска стыда.

Иллюзия была полна бесконечной нежности, изнуряющей страсти, и за каждым поворотом этого сна стояло лишь одно имя.

«Линь И... Линь И...»

Владеть им без остатка.

Его взором, его телом и душой, его любовью и надеждой... Всем. Чтобы всё его существо знало блаженство только ради него одного.

Фан Яньтин следовала за Линь И через бесконечные галереи. Дворец Линсяо был огромен и безлюден, но даже ночью здесь не было мрачно — в стены и перила повсюду были вделаны жемчужины вечного сияния.

Девушка чувствовала перемену в настроении Чжэньжэня, и сердце её сжималось от страха. Но, раз уж она оказалась здесь, оставалось лишь уповать на судьбу.

По пути она даже не смела взглянуть на сияющие сокровища, забыв о всяком восторге.

Они вошли в роскошный Павильон алхимии, уставленный великолепными треножниками. Линь И остановился у огромной печи, которая была в два раза выше человеческого роста.

Фан Яньтин замерла, с тревогой глядя на его спину.

— Фан Яньтин, — позвал он.

— Что случилось, Чжэньжэнь?

Линь И обернулся. Взмахом руки он зажёт под огромным котлом Духовное пламя девяти ритмов.

Мгновенно пахнуло жаром. Даже сквозь толстые стенки печи девушка ощутила обжигающую температуру. Но сильнее жара её терзал страх. Сине-красные отблески пламени плясали на стенах и на бледном лице Яньтин.

— Чжэньжэнь... зачем это? — пролепетала она.

Линь И посмотрел на неё с леденящим спокойствием.

— Раз зажглось пламя девяти ритмов — значит, пора варить снадобье.

Лицо Фан Яньтин побелело ещё сильнее.

— Чжэньжэнь, я... я не смыслю в алхимии.

Линь И усмехнулся.

— А я и не прошу тебя варить. Просто в этом составе не хватает одного важного ингредиента.

Он принялся пристально рассматривать её, словно оценивая товар, и вдруг удовлетворённо улыбнулся.

— Какая удача, что я встретил тебя сегодня.

При виде этой мягкой улыбки у девушки похолодело внутри. Пот катился градом от жара печи, но от кончиков пальцев ног по телу поднимался леденящий холод.

— Чжэньжэнь, я...

— Наставник давно работает над одной пилюлей, — перебил её Линь И. — Всё никак не выходило. И лишь на днях я понял: не хватает одной детали.

Огонь в печи разгорался всё сильнее. Внутри котла что-то загремело, загудело, словно неведомая сила рвалась наружу, требуя жертвы, чтобы утихомирить свой безумный голод.

— Какой детали?..

Линь И в упор посмотрел на неё:

— Ты ведь надеялась подобраться к Сюаньюань Куню. Неужели думала, я не пойму зачем?

— Благодетель спас меня случайно! — затрясла головой девушка, продолжая играть свою роль.

Линь И призвал ту самую рукопись с рецептами и швырнул её прямо в руки Фан Яньтин.

— Ради этого? — холодно спросил он.

От испуга она впала в оцепенение, но книгу поймала. Бросив взгляд на обложку, она вдруг преобразилась. Глаза её лихорадочно заблестели, и, позабыв о приличиях, она рухнула на колени.

Вся её прежняя самоуверенность испарилась. Она прижала фолиант к груди так крепко, будто его могли вырвать в любую секунду, и взмолилась:

— Чжэньжэнь! Могу ли я просить у вас одно снадобье из этой книги?!

Линь И поразился такой наглости. Он-то лишь хотел припугнуть её, чтобы она впредь не строила козни против него и его ученика.

— И ты всерьёз полагаешь, что выйдешь из моего дворца живая?

Фан Яньтин судорожно сглотнула.

— Чжэньжэнь и вправду хочет пустить меня на ингредиенты?

Линь И промолчал, выжидая.

Девушка прикусила губу. Глядя на могущественного практика стадии Перехода через Бедствие, она, видимо, осознала всю глубину своей беспомощности.

— Я готова отдать жизнь за одну лишь пилюлю! Если только Чжэньжэнь согласится!

— Какую же?

— Пилюлю сохранения молодости!

Линь И вздрогнул от неожиданности. Он невольно нахмурился, присел перед ней на корточки и с искренним сожалением покачал головой:

— Жизни не будет — зачем тогда красота? И вообще... ты ведь вовсе не Фан Яньтин.

<http://bllate.org/book/17554/1714020>